

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

3. НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ

1. ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ

Сразу же после Киевской наш путь лежал на Кавказ.

1986 год можно считать годом зарождения SRT в нашей стране. Каунасский клуб, до того лидировавший, вдруг отступил в тень, и вся тяжесть (и сладость!) первоисследований пришлось на долю восточно-казахстанцев.

Мы не роптали. Тем более, что Судьба благосклонно взирала на наши старания догнать мир. Иначе она не свела бы нашу экспедицию с болгарской в августе того же года.

Тем августом поляна "Сувенир" в полутора сотнях метров ниже входа в Снежную была похожа на диковинный город бродяг. Тут и там палатки и полиэтиленовые навесы, сооруженные из подручного материала столы и лавки, тянутся провода телефонных линий, снуют с рюкзаками и налегке многочисленные спелеологи.

Торная тропа под сенью густо покрывающего склоны букowego леса от Дурипша (*165) к Сувениру густо усеяна путниками. Здесь таскают свои мешки парни из Москвы и Ленинграда, Старого Оскола, Казани, Магнитогорска, Ростова – кого только нет!

Но главная новость на тропе – идут иностранцы! Кто? Откуда? Никто не знает точно, но – идут, вроде бы, на Снежную.

О-о, как интересно!

И уже отступила в даль дорога на Кавказ – через аэропорты, вокзалы, автобусы. Будто телеграфным пунктиром выхватывает память путевые картинки.

...Проводы в Усть-Каменогорске. Андрей Волков:

– Ребята! Привезите мне три литра Черного моря!

...В аэропорту Петропавловска откуда-то из толпы появляются отставшие от группы приятели Понтя и Бондя (Андрей Суртаев и Олег Бондаренко). Несут какие-то сумки, по виду не наши. Кто-то удивляется:

– Откуда это вы?

– Бабушка вот попросила помочь... да не догнала!

...Кто-то в самолете на Адлер "читает" вслух газету:

– Сообщение ТАСС. В районе Бермудского треугольника бесследно пропали три американских истребителя "Фантом". С нашей стороны потерь нет...

И даже море – такое ласковое синее-синее море, которое кто-то под плохое настроение называл Черным – тоже уже позади. Теперь перед нами тропа, отмеченная, как украшенная, легендарными названиями: поляна Рододендронов (+440 м.н.ур.м), "Белые стрелы" (+500), Явор (+735), "Тыща" – она и есть +1000, "Балаган" (+1200), "Банка" (+1430). И, наконец, – верхняя граница леса – поляна с озерком и гротом. Местечко со странным для нашего слуха абхазским названием Хуп-Хулцва (+1750). Теперь и до Снежной рукой подать.

Так бы шлось, как пишется!

Хуп-Хулцва – Хипстинский перекресток. Здесь тропа расходится: направо – к Снежной, налево – к Меженного. На границе леса решили заночевать. До Сувенира недалеко, но здесь есть дрова, а часть нашего груза еще внизу. Так что ночуем.

Не успели расположиться – ба-а! – что за гости? На тропе Владимир Дмитриевич в паре с Антоном Арсеновичем: для моих ребят Резван и Саакян – живая легенда!

- На Снежную?
- А то куда же!
- Отлично. Значит, увидимся!

Идут знакомые и незнакомые. Все свои. Все одного братства-племени.

К вечеру через нас прошли болгары. Из Софии, клуб "Алеко Константинов". Заблудились на подходах. Теперь идут к Снежной. Болгар пятеро. Почему мало? Этого достаточно.

И для Снежной?

* * *

Счастливый "билет" принес Резван. Мы только что вернулись из поиска в районе Меженного и разбили лагерь на Сувенире. Тут царство гостеприимных ленинградцев во главе с Мишей Ивановым. Как и все уважающие себя спелеологи со стажем, Миша на Бзыби с женой и двумя сыновьями – 4-6 лет. Прекрасная компания нашему с Любой Алешке, готовящемуся этой осенью осчастливить своим появлением начальную школу.

Так вот, Резван сообщил, что болгары напрочь поругались с Лисицким и теперь в затруднении.

К слову, старо-оскольский лидер Лисицкий Сергей Дмитриевич личность в советском спелеотуризме по-своему примечательная. Известный в просвещенных кругах под прозвищем ЛСД, Лисицкий отметил свое пребывание в кейвинге тем, что первым в СССР оформил звание "Мастер спорта" по спелеотуризму – старички как-то не удосужились позаботиться о регалиях...

– Итак, болгары в затруднении, так как им хотелось бы иметь проводников по Снежной, – продолжал Резван, поглядывая на меня своим острым глазом и усмехаясь в усы. – А почему бы эту партию не озвучить на казахском?

(Знаешь, – как-то при очередной встрече в Адлере сказал мне Резван. – Я, кажется, начинаю понимать казахский язык. Когда я получил телеграмму: "Прилетаем девятого с грузом", то сразу понял это так: "Нужна машина!")

Лингвистические успехи Володи Резвана пришлось как нельзя кстати. Стоит ли говорить, что мы немедленно приступили к реализации этой идеи и предложили болгарам мои услуги в качестве "полупроводника" – я знал пропасть только до – 700.

Так начиналась первая (снова Первая!) в истории казахстанского, да, кстати, и советского кейвинга международная SRT-экспедиция на Бзыби: "Сумган" Усть-Каменогорск – "Алеко" София.

* * *

– Фику-ус! Свободно?

Снизу, из ледяной пасти пропасти, несется неразборчивый текст из числа тех, что доступны для понимания вне зависимости от подданства. Видимо, Филип Филипов основательно запутался в паутине ленинградских и старооскольских веревок.

Чего ожидать, если в пропасти одновременно работают сразу несколько групп, и каждая норовит сделать свою навеску? Мы еще не доросли до соблюдения очередности на маршрутах экстракласса. А может быть, это и к лучшему. Тем более, если размеры пропасти позволяют. Но накладки в таких случаях неизбежны.

Наконец, Фил распутывается, обходит подальше стороной уже час как медленно и обреченно ползущую вверх одинокую женщину из числа ленинградцев. (Миша Иванов проводит здесь учебные сборы, и такие картины на Ледовой части не редкость).

– Свободно!

Мы с Филипом несем вниз груз, в то время как Розалин навешивает веревку где-то впереди. У меня горят глаза. Я, как губка, впитываю увиденное и услышанное от болгар. Мы впервые знакомимся с SRT не по книжкам и самоучителям, а воочию.

С какой удивительной легкостью болгары обходят трение! Элегантно. Их трасса уходит в сторону от путаницы веревок в сужении у грота Гвоздецкого и идет теперь по нетрадиционной левой стене пропасти.

Вот что такое "динамическая защита навески". Два крюка несут нашу жизнь в начале каждого колодца, два закрепления – основное и дублирующее (ОЗ и ДЗ). Если дублирующее расположено выше и основной крюк вылетит – связующая закрепления веревка сразу же натянется и примет остаточную – избыточную после разрушения ОЗ, энергию рывка. А если пещера не дает сделать дополнительное закрепление выше дублирующего? Если исключить трение можно только вбив основной крюк выше по уровню? Вылетит он – и пока не натянется связующая крючья веревка – снова полет! И новый рывок! Можно ли уберечься в этом случае?

Можно. Вот Розе забил два крюка и связал их двойным узлом, так что хоть и выше дублирующего стоит основной крюк, но узел, их связующий, – ниже! И рывка, стало быть, можно не бояться. Мы читали про это и в Киевской применяли. Но коряво. Все норовили основное закрепление пристроить ниже дополнительного, а в итоге неудобства с пристегиванием, да и выбираться из отвеса – сплошная акробатика.

А тут – красота!

А вот об этом мы и не читали. Позднее мы назвали этот прием: применением "допустимого" трения.

В Большом колодце Снежной необычно тихо. Почти нет ручья! Лето 86-го выдалось на редкость сухое. И колодец теперь виден, что называется, во весь его гигантский рост. Уходит куда-то в бездонно черное небо веревка, теряется во мраке, и только страшно высоко – яркая звездочка. Качается, поворачивается в стороны, мигает – человек на подъеме.

Надо же, как высоко-то! Это если снизу смотреть, из Университетского зала.

Сверху видно не так хорошо. Разве что с веревки. Когда повисаешь в пустоте этой каменной трубы, такой себя мелочью начинаешь ощущать, что просто неудобно за Человека. За того, который звучит гордо.

Что мы в сравнении с Природой? Мы – частичка ее, безумно возомнившая себя выше целого, себя – в праве решать и изменять?

Веревка на Большом колодце – толстый французский "Беал". Что называется, берешь в руки – маешь вещь! Она идет через перегиб карнизом нависающего края колодца, и уже там встречает крюк. Дальше трения нет совершенно, но вот карниз! Показываю это дело Камену Боневу, прозванному среди своих Чируз. Чируз – с болгарского, вяленая рыбка – удобно и однозначно. А то первое время, когда я, стесняясь назвать иностранца прозвищем, окликал его по имени: "Ка-амен!" – народ, рефлекторно реагируя на грозное предупреждение, тут же принимался прятаться кто куда, в ожидании обещанного, вроде бы, камня.

Так вот, показываю трение Камену.

Чируз качает головой, улыбается:

– Это трение не страшно. Тут мало ходишь – один-два раза только. Потом уже вылезает. Понимаешь?

И действительно. Что станет с веревкой, если за время экспедиции ее пару десятков раз шоркнуть о камень с усилием, равным весу человека или чуть большим? Ничего.

А то и шоркать не придется. Если еще во время перестежки установить свой пуани выше места трения. Установил, встал на педал – стремя трется, а веревка навески так и не коснулась страшного на вид скального ребра.

Ну, это уже технические "заморочки", как говорится. Но учиться им было одно удовольствие!

* * *

Снежная бурлит. И вид у нее какой-то иной. Приветливее, что ли, кажется холодная Царица Кавказа. И ей в диковинку иностранцы. Глядит, приглядывается: пустить – не пустить?

Ппустила. Как ни старался Данила Усиков – патриарх Снежной (чувствуете, какие люди собирались тем летом на Сувенире?), внести смуту в души болгар рассказами о грозных снежинских паводках, те только улыбались.

В итоге Усиков пообещал поставить ящик "огненной воды", если болгарам удастся пройти ниже –1000 метров. И проиграл. Рассказывали, что после 13-дневного штурма и возвращения со дна на поверхность первыми словами руководителя софийской пятерки Орлина Атанасова были:

"Где Усиков? Пусть Данила идет в Дурипш купить ящик водки!"

Но Усиков к тому времени был уже далеко по ту сторону хребта Раздельный. Неисповедимы пути спелеолога!

* * *

Наша усть-каменогорская команда дошла только до зала Победы на –700. Ниже не планировали.

За пять лет до этого – в августе 81-го, мы с москвичем Лешей Лацисом затратили на подъем от зала Победы к солнышку 29 часов непрерывной работы (включая, правда, 5-часовой перекур-полудрем в Галерее наверху Большого колодца).

В 86-м управились за 14. Из них часок попили чай у гостеримных ленинградцев в Университетском зале. Как-то проще, веселее, что ли, получалось. Одинарная веревка ощутимо сэкономила силы, поднимала настроение.

В тот выход мне повезло возвращаться из Победы в компании, состоящей из жены Миши Иванова – Лиды, уфимца Рима Байкова и Антона Саакяна. Оставив болгарам свой гидрокостюм, который должен был им весьма пригодиться в районе Глубокой реки, я отправился вверх с этими великолепными попутчиками.

Кстати, не все болгары направлялись ко дну Снежной в сухих советских гидрокостюмах. Как ни уговаривали мы Розалина сменить свой неопрен на наш "Тигур", Розе так и не согласился. Плохо говоря по-русски, он все больше улыбался, отмалчивался, покачивал головой. Потом что-то коротко сказал.

– Он говорит, – перевел Чируз. – Даром я что ли отдал за этот неопрен 500 левов? Теперь они должны меня согреть до самого дна!

Остальные болгары оказались благоразумнее и, думаю, не пожалели.

Попрощавшись с уходящими ко Дну, отправились мы на поверхность. Я замыкал нашу команду, и на участке Мелкой реки пару раз воспользовался дружескими спинами Рима и Антона – им пришлось перетаскивать меня через особо глубокие места у водопада Мойдодыр. Так цепочкой мы и поднимались, иногда собираясь, иногда растягиваясь так, что теряли друг друга из виду. В такие минуты мы шли каждый сам по себе, каждый один на один с пещерой и своими мыслями.

В одном из завалов, послышался мне впереди голос Антона Арсеновича. Антон не видел, что я уже рядом. Он стоял на коленях в глиняной слякоти на вершине Второго завала, в великом изумлении смотрел на свои невероятно грязные ладони, раскачивался всем корпусом и стонал:

– Что я дэ-ла-ю?!..

Когда по окончании очередного курса института надо было выбирать между военными лагерями и экспедицией, Резван поступил в соответствии с древней спелеологической мудростью: "Если работа мешает пещерам – бросай работу!"

И я вспомнил, как в 81-м году в зале Победы Володя вот также глубокомысленно изрек:

– На что я променял свои лейтенантские погоны?...

Как редок ты, Миг Прозрения!

* * *

Мы работали на одинарной веревке, но нас все еще мало кто принимал всерьез. ЛСД из своего подземного лагеря в Лабиринте так и прямо кричал в спину нашим парням: "Самоубийцы!"

Другое дело – болгары! Болгарская техника (а соответственно и наша) привлекала всеобщее внимание. Мы как бы подпирали болгар, служа некоей иллюстрацией на заданную тему. Если бы на одинарной веревке работали только иностранцы, кое-кто мог бы сказать: "Ну, конечно! С их-то веревками и снаряжением!" Что-нибудь в этом духе. Но мы делали то же самое на своих веревках и самодельным снаряжением.

После демонстрации болгарскими СРТ на небольшой скалке с надписью "1800" близ лагеря брожение усилилось еще больше. Кто агрессивно критиковал, кто соображал молча, прикидывал. Кто – что.

Теперь Бзыбь раздирали противоречивые страсти. Чего греха таить – многим хотелось, чтобы Снежная срезала, отразила атаку нахалов-болгар: впятером да по одной веревке, да на Снежную! А вот вам! Это вам не по Европе бегать!

И интересно было. Наши мастера-самodelьщики подолгу вертели в руках фирменные зажимы, щелкали пьезозажигалками карбидных ламп, щупали фольгированные термозащитные костюмы – рексотермики.

– Говорят, в нем тепло, – улыбается Чируз.

– А ты что, в нем не ходил?

– Ходил. Но я этого сказать не могу!

* * *

Слабый отблеск болгарской славы падал и на нашу команду.

"Доблестным казахстанским десантом" назвал ее Антон. Навешивая параллельно болгарским свои веревки, мы оказывали малочисленным собратьям-славянам из Софии посильную помощь в транспортировке груза. Особенно кстати наша поддержка оказалась после катастрофического извержения старооскольского мешка в ледовой части пропасти. Этот случай, едва не поставил под срыв едва начавшуюся болгарскую экспедицию.

...Пять увесистых транспортных мешков виноградной гроздью скользят подомной вдоль стены. Вот в чем преимущество транспортировки грузов на спускере – спусковом устройстве. Повесь я эту вязанку на плечи – просто задавило бы весом за эти долгие, переходящие в часы, минуты спуска по 200-метровой ледяной трубе. Не говоря о том, что перевернуло бы при случае вниз головой.

Семнадцать крючьев предстоит пройти, прежде чем совершишь "посадку" на вершину снежного конуса дна Большого зала. Чтобы выстегнуть из очередного крюка самостраховку, упираюсь в педал обеими ногами (тут уж на руках по-пижонски не подтянешься!), и тогда чувствую, сколько несу на себе. Но стоит опуститься на решетку или на самостраховочный ус, и давящий вес улетучивается. До сих пор не перестаю радоваться этому ощущению свободы на вертикалях.

Ниже меня, снова первым номером, спускается Фил Фикус. Если у меня пять ярких красно-желтых французских мешков, то у Фила – один. Зато какой! Черный, почти тридцатикилограммовый монстр. Таким мешкам в бытность многомешочных штурмов обязательно давали имена: Вася, Федя, Амбал... мешочки с ласковыми именами! Как болгары собираются тащить этот "подарок" по пещере – не представляю. Мешок-гигант уступил болгарам ЛСД. Как потом утверждали злые языки – не без злого умысла. В него впихали все, что не вошло в и так многочисленные транспортники болгарской команды. И вот – спуск.

Жерло Снежной в этом году распахнуто совершенно удивительно. Нижний край начинающегося из-под входного колодца наклонного снежника круто падает в отверстую черную пасть. С каждым метром мы все глубже погружаемся в прекрасный

сурово вздыбленный мир камня и льда. В подступающем мраке постепенно растворяется голубоватый свет земли, и пронизанный им лед рисует над нами причудливые контуры сказочных персонажей.

Сегодня в стволе пропасти удивительно безлюдно. И это хорошо. Вчера камнепадом, что обильно "дойдет" с вытаивающей под входным отвесом осыпи, накрыло двойку ленинградцев – над Кривым колодцем, что метрах в 100 ниже. К счастью, ребята отделались легкими травмами.

– Свободно!

– Понял!

Эхо привычных команд, гулкая музыка пещеры.

За дни штурма мы уже здорово породнились с Филом, сошлись с остальными ребятами из "Алеко", перемешались с ними. Порой происходят забавные эпизоды.

Как-то стоим на расклиненной между стен глыбе над Кривым колодцем. Филипп очищает сопло ацетиленовой горелки своей лампы, я курю – в красном болгарском комбинезоне и в своем белом шлеме я себе весьма нравлюсь. Снизу поднимается двойка парней: не то оскольцев, не то москвичей. Торопятся, видимо. Потому что первый вопрос:

– Скажите, пожалуйста, время?

Надо же, как вежливо!

Гляжу на свою "Амфибию", отвечаю, слышу:

– Спасибо! – и через некоторое время улавливаю в отдалении: – Скажи-ка! Болгарин, а как по-русски здорово говорит!

...Когда работаешь в пропасти, мозг автоматически фиксирует все отклонения от привычного, от некоей устоявшейся нормы. Поэтому сразу, еще подсознательно, отмечаю какой-то необычный шорох. Шорох, короткий шлепок, шелест и свист. Тишина.

– Фил? Что случилось?

– Нэ разбираю!

– Может, мешок что-нибудь?

– Нэ. Торбата э тука... Ах, майка му стара! Дьявол да те вземе!

– ...?

Мешок был на месте. У мешка не было дна! И теперь все его содержимое с шелестом неслось по бобслейной трассе ледового колодца. А там, в сотне метров ниже, спускается ничего не подозревавший Розе. Безмолвной смертью пахнуло из пропасти, мгновение назад еще такой добродушной и приветливой.

* * *

...Болгарское правительство должно бы наградить меня орденом за спасение национального флага.

Флаг болгары припасли для водружения на Дне. Так же как и бутылку "Наполеона". Коньяк через все трудности долгого пути прибыл ко дну без особых происшествий. А вот флаг без моей помощи не добрался бы ни за что. Мне посчастливилось натолкнуться на него в снежном месиве размазанного по конусу содержимого болгарского мешка. Справедливости ради надо признать, что мешок-то был все-таки старо-оскольский, причем злые языки опять-таки утверждают, что единственный предмет снаряжения советского производства, мешок – и тот не выдержал SRT!

Но все это было потом. А пока нам с Филом ничего не оставалось, как поспешить вниз вслед за удравшим снаряжением. Правда, не в таком высоком темпе.

И вот мы на конусе. Зрелище ошеломляющее. Разбросанные по снегу гамаки, расплюснутые канистрочки из-под бензина для подземной кухни, вывернутый наизнанку примус, какие-то обрывки и обломки. Но это было не главное. Еще на подходе к последнему спуску в Большой зал по шахте густо потянуло ацетиленом.

Это интенсивно разлагались запасы болгарского карбида из вдребезги разбившихся резиновых упаковок. С гулом прошли они над головой Розалина, по счастью не оказавшегося на пути собственного снаряжения, устремившегося в пропасть быстрее своих хозяев.

А аптека... Какая была аптека! В металлические контейнеры были упакованы все чудеса западноевропейской фармакологии.

"Эту ампулу выпьешь, когда устанешь", – поясняли мне ребята, как использовать мою индивидуальную упаковку. – "Эту – если не сможешь быстро уснуть в лагере. А вот эту, большую, когда совсем плохо будет!"

Свою личную аптеку я так и не распечатал, а вот базовая сокровищница застряла в середине Кривого колодца на небольшой скальной полке. Достать ее вызвался Олег Бондаренко, но... от Судьбы не уйдешь. Котелок с аптечкой сорвался вниз и догнал остальную кучу.

– Теперь будем, как все, в пещере кушать, – прокомментировал потерю аптечки Камен. – По три с половиной тысячи больших калорий в день.

– А с аптекой как планировали?

– Ну-у! Минимум по 7 тысяч...

Это вам не сухарями хрустеть!

За карбидом пришлось спускаться в Дурипш, что отсрочило штурм на двое суток.

Дырявый мешок-бомбардировщик вручили торжествующему в тихушку ЛСД.

Останки изувеченного снаряжения похоронили в снегу.

А остатки биостимуляторов допили из раздавленного котелка там же на конусе – по кругу: не пропадать же добру!

* * *

Не только Снежная была полигоном для дальнейшего изучения SRT. Второй вход в систему – шахта Меженного, до отметки –380 метров представляющая собой сплошной каскад колодцев и уступов разной величины, тоже не была обойдена нашим вниманием.

Мой шестилетний сын Алешка покрыл себя неувядаемой славой, заявив:

– Хочу в Меженного!

– А почему не в Снежную?

– В Меженного темней!

Именно в Меженного в победном шествии SRT прозвенел первый тревожный звонок. В одном из колодцев с высоты около 7 метров упал усть-каменогорец Ержан Аюпов. Резкого в движениях казахстанского "десантника" не выдержала изношенная до предела ленинградская веревка. Выручил мешок, с которым спускался Ержан, удачно оказавшийся между ним и скалой и смягчивший удар падения. Транспортные мешки, несомые на себе в процессе движения, еще не раз выручали нас в дальнейшем.

Обрыв веревки. Серьезный сигнал. Нет, техника здесь оказалась ни при чем. Причиной любой аварии всегда является человек, действия или бездействие непосредственных исполнителей.

В том спуске в Меженного наши парни нарушили практически все, что смогли: идти по одинарной – непроверенной – изношенной – чужой – навешенной как попало с диким трением на перегибах веревке – нормальное самоубийство!

И это несмотря на то, что готовились, тренировались, теоретически изучали все правила и строго договаривались их не нарушать.

Блажен незнающий. Пренебрегающий, зная – безрассуден, а порой преступен.

Нарушили, понадеялись на авось, и – закономерный итог.

Так постепенно мы на практике убеждались в необходимости строгого соблюдения канонов SRT.

* * *

Есть такое понятие – послезекспедиционный банкет.

В 86-м году мы устроили банкет по итогам сезона.

На великолепных, испеченных Любой, пирогах гордые цифры: -1000 и -700. Загорелые лица, какие-то непривычно цивильные причесанные лики. Скатерть на полу – наш спелеодастархан, ребята, девчонки – плечо к плечу. Кочетов теребит гитару.

Когда под крыльями Кавказ,
А облака – белее гор,
Мне память, будто на заказ,
Напомнит песню давних пор:
    Бзыбь, Бзыбь, горное лето
    Эй, друг, помнишь ли это?
Буки и дождь,
Солнце, как нож,
Облако надвое режет.
Море внизу,
Мыс – словно зуб,
Где же вы, где же вы, где же? (*166)

...А я иду по Снежной, с каждым движением приближаясь к Солнцу. Раньше я никогда не видел пропасть как бы целиком – от первых до последних метров пути. Раньше бесчисленные подземные дни сливались в путаницу завалов и колодцев, мешков и страховок. За экспедицию каждый участок пещеры проходишь максимум дважды – вниз и вверх. Что можно успеть увидеть, узнать, запомнить при такой работе? Что можно почувствовать, кроме усталости?

Рассказывают, что когда Всесоюзная экспедиция илюхинцев безуспешно пыталась найти проход через Пятый завал Снежной, съемками кинофильма занимался профессиональный оператор, обессмертивший свое краткое пребывание в Снежной фразой: "Я был в пещере дважды – первый и последний раз!"

Это так, к слову.

И вот я иду по Снежной в непередаваемой музыке движения. Гармония этого, казалось бы, неспешного пути наполняет меня тихой радостью. Пещера – такая знакомая, совсем не враждебная – за время своих скоростных "нырков" вниз мы прошли по ней много раз.

Удивительно! Я жду вертикалей. Их всегда ждешь. Сто шестьдесят вздыбленных метров Большого колодца – будто рубикон на пути к земле...

Теперь я жду их иначе. Я стремлюсь к вертикали, как к удовольствию, как к лакомому куску. Лаконичное пощелкивание снаряжения наполняет меня уверенностью. Шаг за шагом вверх. Я не тороплю окончание колодца, как в детстве не торопишь исчезновение последнего кусочка мороженого.

Напротив – как хорошо, если бы он подольше не кончался!

Фантастика ощущений. Это больше не работа, не трудовое достижение, не преодоление себя. Радость кипит в крови...

Ледовая часть. Кошки на ногах вонзаются в податливый лед.

Крюк – перестежка.

Маятник влево за выступ стены. Вперед и вверх.

Крюк. Перестежка выше.

Неужели и эта песня сейчас закончится? И уйдет в прошлое этот опрокинутый мир?

Снова маятник влево. В этом сужении колодца я недавно буквально "поймал" камень, сброшенный в нескольких десятках метров выше Филом: не смог вовремя уйти, закачнуться за выступ, не успел.

И камень тоже не успел разогнаться на извилистой трассе колодца, ударил в грудь и застрял за пазухой. Кусочек Снежной величиной с кулак...

Как голубеет лед! Неужели скоро земля? Почему мне так не хочется выходить? Дело не в пропасти. Вернее, не только в ней.

Я снова, уже в третий раз, не дошел до дна Снежной. Но я обрел друга.
Наша новая техника – это она дарит радость, потому что экономит силы,
высвобождает их, оставляет не только на работу и самосохранение, а и на
удовольствие от происходящего.

Я иду по Снежной. Я обретаю второе дыхание в кейвинге. Еще не закончив
начатый путь, я уже снова хочу под землю.

Свет! Все. Как жалко расставаться с тобой, Снежная!

Твой ветер холодит мокрые щеки. Да нет же – это капель. Не успел увернуться
от ледяной струйки в гроте Гвоздецкого.

Удивительно соленая капель...

А утром неба синева
Обнимет моря синеву,
И станут так бедны слова,
И так бездонен каждый звук.
Ах, Взыбь, южное лето,
Дай срок – вспомним и это!
Белый ручей,
Глотки пещер
Нам подпевают, как прежде.
Лица ребят,
Штурма азарт,
Где же вы, где же вы, где же?

---

*165 Дурипш – абхазское селение у подножия хребта, откуда начинаются пешие подходы к
Снежной и Меженного.

*166 К.Б.Серафимов "Горное лето", Адлер, 1986г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com